

ИЕРАРХИЯ УГРОЗ И ИЗМЕРЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

**Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е.
(Барнаул, Россия), Нуркатова Л. Т. (Нур-Султан, Казахстан)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России».

Аннотация: Социальная безопасность – комплексный феномен, затрагивающий онтологические основания развития современных обществ, исследуемый в рамках междисциплинарного подхода через множество объективных и субъективных показателей. Последние чаще всего становятся объектом психологического направления, ориентированного на выявление характеристик и детерминант индивидуального и общественного сознания. На основе данных, полученных в ходе психосемантических исследований в шести приграничных регионах России ($n = 631$), проанализированы социальные риски и угрозы безопасности в пространстве четырех основных измерений – вероятности (для себя и жителей региона), степени опасности, защищенности и контролируемости. Авторы делают выводы о взаимосвязи оценок риска и безопасности, наличии закономерностей восприятия и общих факторов оценки, констелляций типичных рисков, присущих всему приграничью, описывают специфические риски, релевантные для отдельных регионов.

Ключевые слова: социальная безопасность, социальные риски, угрозы, приграничные регионы, представления населения, психосемантика, семантическое пространство.

HIERARCHY OF THREATS AND DIMENSIONS OF SOCIAL SECURITY IN REPRESENTATIONS OF POPULATION IN BORDER REGIONS OF RUSSIA

**Omelchenko D. A., Maximova S. G., Noyanzina O. E. (Barnaul, Russia),
Nurkatova L. T. (Nur-Sultan, Kazakhstan)**

Abstract: Social security is a complex phenomenon, touching ontological bases of modern societies, studied in the framework of

interdisciplinary approach through the multitude of objective and subjective criteria. The latter are usually treated as object in psychological direction, oriented towards the revelation of characteristics and determinants of individual and public conscience. Based on data, received in a psychosemantic research in six border regions of Russia (n = 631), the article presents the analysis of social risks and threats to security in the context of four dimensions: probability (personal and regional), degree of danger, vulnerability and controllability. Authors conclude that characteristics of different risks are interdependent, there are regularities of perception and general factors of evaluation, constellations of risks typical for all border regions, and specific, relevant only for several territories.

Keywords: *social security, social risks, threats, border regions, representations of population, psychosemantics, semantic space.*

Вопросы сохранения безопасности в современном мире являются приоритетными для науки и практики, не имеют дисциплинарных, географических, политических границ. Хотя создание безопасного общества является скорее недостижимым идеалом, основные приоритеты и императивы общественного развития на современном этапе тесно связаны с минимизацией количества угроз и рисков, обеспечением условий для реализации человеческого потенциала, формированием гуманных и справедливых социальных отношений.

Социальная безопасность – это комплексный феномен, описывающий социальное положение индивидов, функционирование социальных институтов, взаимодействие социальных общностей. Разнообразные определения социальной безопасности ставят акцент на ее важных свойствах и аспектах, таких как защищенность от угроз, устойчивое развитие, способность уравновешивать разнонаправленные общественные силы и регулировать конфликты, и, целом, способствовать социальному гомеостазу, сохранять целостность социальной системы, решать проблемы ее внутренней интеграции и внешней адаптации в условиях противостояния разрушительным факторам. С. Г. Демченко, А. В. Верещагина и С. И. Самыгин справедливо отмечают, социальное развитие общества и его безопасность зависят от содержания, которым наполняется социальное пространство, от транслируемых базовых ценностей, формирующих модели поведения и отношение к реальности как социально справедливой или несправедливой, как гарантирующей безопасную

жизнедеятельность или несущую риски духовному и физическому развитию индивидов, социальных групп и общества в целом [2].

С позиций системного подхода, социальная безопасность должна быть активной, комплексной, непрерывной, универсальной, целенаправленной, конкретной и надежной [1]. Международный взгляд на проблемы социальной безопасности (через международные правовые документы ООН) противопоставляет безопасность человека другим видами безопасности (например, государственной) и определяет ее как защиту «основ человеческой жизни способами, которые содействуют расширению свобод человека и их осуществлению». Это означает, во-первых, обеспечение защиты людей от серьезных и широко распространенных угроз и ситуаций, в том числе путем укрепления их сил и расширения возможностей, во-вторых, создание политических, социальных, природоохранных, экономических, военных и культурных систем, обеспечивающих людям основные элементы для выживания, сохранения достоинства и существования [6]. Таким образом, социальная безопасность является интегральным понятием, обозначающим способность государства и общества обеспечить защищенность и эффективное функционирование социальной сферы, предотвращение деструктивных явлений и процессов, сохранение и развитие условий, средств и способов социализации людей, соблюдение в обществе и государстве их образа жизни, благосостояния, неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственных ценностей. Такое понимание социальной безопасности расширяет спектр объектов безопасности, подчеркивает необходимость обеспечивать безопасность целого ряда субъектов, представленных не только государством, но и гражданским обществом и личностью, обеспечение защиты которых было проигнорировано в прошлом и не всегда эффективно в современных условиях [4; 6].

Социальная сфера выступает основной сценой, на которой разворачивается борьба за социальную безопасность, охватывающая все пространство жизни человека – от условий его труда и быта, здоровья и досуга до социально-классовых и национальных отношений. В своем исследовании мы концентрируемся на изучении социальной безопасности и особенностей ее восприятия в приграничных регионах России, поскольку именно приграничье, во всем многообразии его географических, этнокультурных, социально-экономических особенностей, стало местом новых возможностей для интеграции и реализации значимых

трансграничных проектов в наиболее инновационных и значимых сферах (например, программ приграничного сотрудничества с ЕС вдоль общей границы от Калининграда до Заполярья, таких как «Карелия», «Коларктик», «Россия – Латвия», «Россия – Эстония», «Россия – Юго-Восточная Финляндия», программ приграничного сотрудничества России и Казахстана, между регионами Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики и др.) но и, одновременно с этим, приняло на себя тяжесть многих рисков, продуцируемых глобализационными процессами и тесно связанными с ними международной миграцией, интенсивным товарообменом, межкультурными контактами и коммуникациями.

Дуальность безопасности, ее зависимость от индивидуальных стратегий и структурных возможностей, институциональная природа рисков и угроз обусловили необходимость разработки особого методического подхода для ее анализа в приграничных регионах России. Процедура психологического эксперимента, разработанного в соответствии с положениями экспериментальной психосемантики и сочетающего методы прямого оценивания с раскрытием глубинных категорий и смыслов общественного сознания [5], заключалась в шкалировании списка угроз социальной безопасности по четырем ключевым измерениям оценки: личной вероятности столкновения (субъективная подверженность риску как определенному событию жизни), вероятности столкновения для жителей региона (региональный риск), степени опасности, тяжести последствий реализации рисков и угроз, степени личной защищенности/уязвимости и возможности осуществления контроля.

Список рисков и угроз формулировался на основе предварительного анализа научной литературы по проблемам социальной безопасности в России и ее отдельных регионах (исследования В. К. Левашова, М. Б. Лиги, Г. Г. Силласте, С. И. Самыгина, Т. Н. Юдиной, Д. К. Танатовой) и в целом отражал современный подход к определению основных измерений безопасности в рамках концепции human security. Включенные в инструментарий позиции (элементы оценивания) дифференцировались по семи основным основаниям: экономические риски, в том числе риски трудовой сферы, финансовые риски; риски жизни и здоровья, связанные с поведением, образом жизни и негативными социальными условиями; собственно социальные риски, возникающие в результате социальных взаимодействий между социальными группами,

социальными институтами, государственными учреждениями; техногенные риски, связанные с современным производством, транспортными коммуникациями; политические, военные риски; экологические и природные риски; риски, связанные с современными информационными технологиями и средствами коммуникации.

Психосемантические исследования были проведены в шести приграничных регионах – Алтайском крае, Республике Алтай, Хабаровском крае, Амурской области, Омской и Оренбургской областях. Выборочная совокупность составила $n = 631$ (от 100 до 113 человек в каждом регионе). Анализ результатов исследования включал описание первичных профилей риска, типологизацию рисков методами иерархического кластерного анализа. Далее, на основе анализа главных компонент были построены семантические пространства, репрезентирующие особенности восприятия населением рисков и угроз социальной безопасности в каждом из исследуемых регионов.

Представим наиболее значимые результаты проведенного анализа.

Исследование показало, что социальная безопасность во всех приграничных регионах, в которых проводилось исследование, имеет несколько общих, наиболее значимых для населения угроз, которые оцениваются как наиболее вероятные, типичные, практически неустраняемые, являющиеся частью повседневной жизни. Это социальные фобии, с которыми жители приграничья живут, и которые постоянно присутствуют у них в сознании. Так чего же опасаются наши граждане, все и сразу? Прежде всего – стать жертвой халатности, некомпетентности специалистов, потерять работу, источники дохода, не иметь возможности рассчитаться с кредитами и займами. Привычными являются автомобильные аварии, вредные последствия для здоровья от некачественных продуктов питания, велика оцениваемая вероятность заболеть тяжелыми недугами (смертельной неизлечимой болезнью). Серьезность рисков – все они затрагивают основы онтологической безопасности, жизни и здоровья, и высокая вероятность их осуществления (на отсутствие этих рисков указали не более 4 % опрошенных) позволяют оценить социальную безопасность в приграничных регионах как катастрофически низкую. Иными словами, люди живут в постоянном «режиме ожидания» беды, того, что случится что-то непоправимое. С другой стороны, происходит опривычивание (хабитуализация, в терминологии П. Бергера и Т.

Лукмана) риска, его проникновение в область повседневного, что приводит к снижению остроты его восприятия и, как следствие, формированию не критичного отношения и пассивного поведения. Все вместе не способствует ни личностному развитию, ни развитию всего регионального общества, а, главное, позволяет рискам воспроизводиться в будущем.

Дополнительно в большинстве регионов были выявлены такие вероятные риски как потеря накоплений, банкротства (кроме Хабаровского края и Амурской области), стать жертвой мошенников или жульничества (кроме Хабаровского края), пострадать от разглашения персональной информации (кроме Алтайского края), пострадать от природной стихии (только Республика Алтай, Хабаровский край, Амурская область). Специфическими рисками, отмечаемыми жителями только отдельных регионов, являлись: дискриминация и риски алкоголизации, наркомании, психических болезней (Алтайский край, это действительно один из лидирующих регионов по распространенности заболеваний психики⁶), несчастные случаи (Хабаровский край, Оренбургская область), экологические риски (Омская и Оренбургская области), инвалидизация (Хабаровский край). Именно эти риски и угрозы занимают ядерную, наиболее актуализированную часть представлений о социальной безопасности в региональных социумах.

Исследование показало, что персональный риск обычно оценивается как менее значимый, менее вероятный, по сравнению с рисками, приписываемыми другим жителям региона. Наименьшая разность, свидетельствующая о коллективной идентификации, попытке нахождения общего пространства проживания рисков, наблюдается (по меньшей мере в двух из шести регионов) по рискам экологических, авиа- и природных катастроф, несчастных случаев, терактов, преследования по политическим мотивам, дискриминации, участия в уличных беспорядках и столкновениях, имеющих этнические или религиозные основания, получения инвалидности. Однако в силу того, что большинство этих рисков оцениваются большинством респондентов как маловероятные, эта идентичность скорее мнимая, мыслимая как «на случай крайней опасности». Наибольшие различия наблюдаются по рискам, которые в результате кластерного анализа были отнесены нами к

⁶ Минздрав назвал регионы, где чаще всего выявляют психические болезни. <https://tass.ru/obschestvo/8933291>

рискам социальной эксклюзии, маргинализации и стигматизации, то есть рискам, непосредственно затрагивающими социальные отношения, нормативные структуры и обеспечивающие их функционирование социальные институты: стать одиноким, никому не нужным, отверженным, стать объектом травли, издевательств и унижения, потерять работу, источники дохода, стать должником, банкротом, попасть в поле зрения коллекторских агентств, стать алкоголиком, наркоманом, душевнобольным, потерять жилье, остаться на улице, стать жертвой мошенников.

К числу наиболее опасных по своим последствиям жизненных ситуаций жители шести регионов отнесли те, где описывались риски смертельных болезней, авиакатастроф и терактов, экологических катастроф, алкоголизма, наркомании, душевных болезней, и связанных с ними инвалидности и недееспособности, халатности и некомпетентности специалистов, потери источников дохода, потери жилья. Как правило, именно по этим рискам жители демонстрировали наибольшую уязвимость, операционализированную нами как разницу между уровнем опасности и защищенности. Примечательно, что риски социальной эксклюзии и информационной изоляции, маргинализации и потери психического здоровья, дискриминации и политических преследований, потери жилья, встречи с мошенниками воспринимались населением как наиболее контролируемые, а себя – как менее уязвимых к данным рискам.

В ходе анализа закономерностей восприятия социальной безопасности и изучения взаимосвязей между его отдельными измерениями было установлено, что лично воспринимаемая вероятность обратно взаимосвязана и довольно сильно детерминирована уровнем защищенности от рисков и угроз. При этом их опасность практически не играет никакой роли, а уровень контроля выступает скорее избыточным фактором. Модель релевантна для всех исследуемых регионов.

Кластеризация рисков на основе иерархических методов показала наличие общих семантических оснований, обуславливающих сходство восприятия тех или иных рисков. Такими семантическими основаниями выступали социальное исключение из-за инаковости, слабоволия, ненормативных практик, отказ разделять общие убеждения, как правило наказываемые с помощью жестких методов, предполагающих насилие, дискриминацию и изоляцию от других членов общества, смертельная опасность, сочетающаяся с внезапностью и

невозможность контролировать ситуацию, потеря бдительности, ответственности, отказ от соблюдения правил безопасности, профессиональных норм, наличие внешних экономических угроз, приводящих к ухудшению качества жизни.

Основными латентными основаниями, используемыми для идентификации рисков и их отнесения к тем или иным группам, являются три, выявленные нами на основе факторного анализа. К ним относятся общий фактор, связанный с правами человека и другими аспектами социальных отношений, фактор, определяющий состояние риска и безопасности через человеческую деятельность, во многом опосредованную технологиями, производством, трансформацией окружающей среды и фактор, основная (денотативная) часть которого связана с материальными основами человеческого существования, а дополнительная (коннотативная) – раскладывается по двум уже упомянутым факторам. Семантические пространства, построенные и описанные для каждого региона на данном этапе исследования, имеют значительное сходство, свидетельствующее о наличии общих закономерностей восприятия социальной безопасности, рисков и угроз.

Литература

1. *Гайфуллин А. Ю., Гайфуллина М. М.* Методический подход к оценке социальной безопасности региона // *Фундаментальные исследования*. 2015. Т. 5. № 12.
2. *Демченко С. Г., Верещагина А. В., Самыгин С. И.* Социальная политика и социальная справедливость как индикаторы социальной безопасности России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 3.
3. Минздрав назвал регионы, где чаще всего выявляют психические болезни. <https://tass.ru/obschestvo/8933291>
4. *Никулина М. А., Колодиев М. Ю.* Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения // *Манускрипт*. 2017. № 4 (78).
5. *Петренко В. П.* Введение в экспериментальную психо-семантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. Изд-во Моск. ун-та, 1983.
6. *Симонович Н. Е., Киселёва И. А.* Проблемы социальной безопасности человека в современном обществе // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 44.
7. Human security. URL <https://www.un.org/ru/humanitarian/assistance/humansecurity.shtml>